Хирузен сделал шаг назад, словно физически пораженный представшим перед ним зрелищем. На его глаза навернулись слезы, нахлынули воспоминания о том, что он снова видит такие знакомые и дорогие фигуры, в них смешались меланхолия и счастье, а также скорбь о том, как низко пал его ученик. Из гробов вышли три фигуры, которые по всем правилам должны были мирно покоиться после целой жизни в конфликте.

Кушина могла бы сойти за статую, так как была неподвижна, но медленно ее тело сотрясалось, сотрясалось от рыданий, слезы свободно падали из ее глаз.

Хотя его внешность была немного бледной, а морщины и порезы, похожие на бумагу, придавали ему неестественный вид, она никак не могла перепутать это лицо. Те же длинные рыжие волосы и козлиная бородка, те же фиалковые глаза, как и у нее, внутри двух луж черноты. Лицо, которое она могла видеть только в воспоминаниях, но оно снова было здесь, прямо перед ее глазами. Ее сердце болезненно колотилось в груди, атакованное миражом эмоций, вызывавших одновременно радость и печаль.

Дрожащими губами она произнесла первое, что пришло ей в голову: "Папа...".

Одетый в традиционную черную мантию с синими доспехами, с двойной утигатаной на поясе и узу-хитэ-атэ, обернутым вокруг головы. Там стоял последний Узукаге, Дайсуке Узумаки, который в данный момент был очень смущен, рассматривая окружающую его обстановку. Это была Коноха, но ведь этого не может быть? Он перевел взгляд на Сарутоби, который был намного старше его.

"Хирузен?"

Сандайме не смог сдержать слез, которые побежали по его щеке. "...Здравствуй, мой старый друг." Он сдержал тихий всхлип, глядя не только на него, но и на двух других рядом с Дайсуке.

Мэй сдерживала вздох, глядя на двух легенд эпохи Войны кланов и основателей деревень шиноби. Они были одеты в традиционные, но простые пластинчатые доспехи и черные костюмы, хотя один из них был темно-красного цвета, а другой - синего, с белым меховым воротником. Хаширама чувствовал, как ветер танцует в его длинных черных волосах, в то время как красные глаза его брата Тобирамы осматривали все вокруг.

"Мы живы?" резко спросил Хаширама, переведя взгляд на брата, который мрачно покачал головой.

"Боюсь, что нет, брат", - покойный Нидайме посмотрел на свои руки, увидев трещины на коже. "Кто-то использовал дзюцу, которое я создал... И запретил его использовать". Он нахмурился, сжимая кулаки.

"Хокаге Шодай и Нидайме!" воскликнул мужчина АНБУ в полном шоке.

Другая АНБУ тоже подала голос: "И Узукаге Сандайме!".

"Я не понимаю, что происходит...?" Слова Дайсукэ замерли на полуслове, как только он заметил одну особую фигуру, стоящую рядом с Хирузеном.

Она была старше, уже взрослая женщина, но он не сомневался, что это она.

Он издал прерывистый вздох, когда глаза его дочери встретились с его глазами. "Кушина... моя Кушина?"

Даже сквозь рыдания она улыбнулась ему очень радостно: "Привет, папа..."

"О, боги, посмотрите на себя!" Его восторг от того, что он увидел свою дочь живой и здоровой, невозможно выразить словами. "Ты такая красивая; я вижу в тебе столько от твоей матери".

"Спасибо" От того, что она снова услышала голос отца, и от того, что он сделал ей такой комплимент, у нее защемило сердце. Воистину, эта ситуация была одновременно и благословением, и проклятием. "Я тоже стала намного сильнее".

"В этом я не сомневаюсь, дорогая!" Несмотря на благодарность, которую он испытывал, снова увидев своего ребенка, Дайсукэ не мог не заметить, что вся эта ситуация казалась ему неправильной, неестественной. Он посмотрел на свои руки, увидел бледность и трещины вокруг них: "Мое тело, оно чувствует себя неправильно. И..." Он окинул изумленным взглядом двух мужчин, стоявших по бокам от него: "Хаширама-сама, Тобирама-сама?!" Он задыхался от шока, хотя тот факт, что он не чувствовал потребности дышать, нервировал его. "Когда я видел тебя в последний раз, я был всего лишь юношей, Сёдай. А Нидайме, в последний раз я встречал тебя..."

"Всего за несколько дней до моей смерти", - заявил Тобирама с укором в голосе, - "Это Эдо Тенсей, молодой Дайсукэ".

"Оооо, это ты, Дайсукэ?! Боже, как ты вырос!" с волнением воскликнул Сёдай. "Хе-хе, с этой бородой ты очень похож на своего деда Эйити!"

"Я..." Чувствуя себя не в своей тарелке, третий Узукаге просто принял комплимент: "Спасибо!" Боги, это было так нереально. "Но если мы ожили, то кто...?"

"Это я, Дайсукэ-доно". Отойдя в сторону, чтобы гроб перед ним больше не закрывал ему обзор, Орочимару дал о себе знать покойным Каге.

"Орочимару?" Узукаге был ошеломлен таким заявлением. "Но почему?"

"Ответ прост, даже если мои причины могут показаться тебе сложными", - он улыбнулся так, что Дайсуке усомнился в его психическом состоянии, - "Я намерен использовать тебя, чтобы уничтожить Коноху".

"Что?!" Его шок разделили два других Каге: "О чем ты говоришь, свет Аматерасу?! Ты ученик Хирузена!".

"О, - с садистской радостью сказал змеиный саннин, - боюсь, за время твоего отсутствия многое изменилось".

Тогда Хаширама обратил внимание на битву, которая шла по всей деревне. Коноха и Кири сражались бок о бок против Сунагакуре и других неизвестных ему шиноби. И тут выяснилось, что по меньшей мере дюжина гигантских змей атакуют и уничтожают деревню! Гнев всколыхнулся в ожившем Сенджу, а затем шок захлестнул его при виде вождя драконов Генрю. Дракон с серебряной чешуей сражался в воздухе со змеем, которого он знал по своей жене.

"Тобирама!" Услышав зов старшего брата, серебряноволосый каге посмотрел на него и увидел, что Хаширама указывает на небо. Оба и Дайсуке посмотрели вверх, увидев вождя драконов, и...

"Манда..." Узукаге зарычал от ярости. Он отчетливо помнил, как этот ублюдочный змей разрывал на части Узушио, а силы Кумогакуре и Ивагакуре были рядом с ним, истребляя всех на своем пути.

"Почему вождь Курокиба здесь?" спросил Нидайме, прежде чем услышал злобную усмешку бывшего ученика Хирузена. В голове Сенджу соединились точки, после чего он гневно воскликнул: "Ты смеешь называть себя шиноби Конохи!". Орочимару лишь рассмеялся над гневом Тобирамы.

"Я давно порвал связи с этой деревней века Нидайме-доно. И заключил договор с Курокиба". Эти слова не вызвали ничего, кроме смертельного взгляда Дайсуке, и он продолжил: "Все это для достижения моих целей. Уничтожение Конохи - всего лишь бонус".

Тобирама нахмурился: "Подумать только, ты - ученик Хирузена...".

"Ты сошел с ума!" прорычал Узукаге, взбешенный услышанным; "Во что ты превратился, мальчик!?".

"Я просто выбрал свой собственный путь, Дайсуке-доно" Несмотря на ужасающую природу своего заявления, он сохранил уважительный тон по отношению к ожившему человеку. Как будто он не видел ничего плохого во всем, что тот сделал. "Коноха стоит на моем пути, так что она тоже должна исчезнуть".

Он поднял пальцы в знак полубарана, и Каге почувствовали, как их тела затряслись.

"Гах!" Сёдай заскрипел зубами, "Не могу пошевелиться!".

Из рукавов змеиный саннин достал три талисмана-метки: "Вот, это сделает тебя тихим и послушным. Так ты сможешь выполнять мои команды".

Хирузен быстро выкрикнул команду: "Остановите его!". И побежал к четверым.

"Папа!" Кушина закричала в тревоге, когда она и остальные присоединились к Третьему, спеша успеть вовремя.

Орочимару был в нескольких сантиметрах от того, чтобы поместить талисманы на их тела, но внезапное сияние над ними, сопровождаемое огромной конденсацией чакры, заставило его остановиться и посмотреть вверх.

Там он увидел фигуру, затененную солнцем, но все же освещенную огромной сферой чакры в его руках, которая стремительно падала к ним. Сфера росла и росла, пока не стала почти в пять раз больше своего обладателя.

"Одама Расенган!"

Орочимару и оставшаяся Четверка Звука отпрыгнули в сторону, но оживший Каге, застыв на месте, остался на месте. Атака сырой чакры обрушилась на них, разрывая их тела на части под своим весом и давлением.

Те, кто был на крыше, замерли, когда в дыму от атаки появилась фигура: "Ты действительно превратился в сукина сына, ты знаешь это". Джирайя ухмыльнулся, когда пыль осела. Он прищелкнул языком, увидев, что ожившие Каге уже реформируются. "Я надеялся, что это их усыпит".

Полностью исправившись, Хаширама покачал головой и сухо посмотрел на того, кто только что превратил его, его брата и Дайсуке в пасту. "Отличный способ поздороваться". Джирайя отшутился на это заявление.

Тобирама только вздохнул, регенерировав рядом с Дайсуке, который уставился на высокого беловолосого мужчину: "Джирайя?".

"Давно не виделись, Дайсукэ-доно, я надеялся, что это быстро вернет вас к покою".

Нидайме покачал головой: "Ты должен сделать больше, но спасибо, что остановил его". Его тело снова охватила судорога - то же самое испытывали и его товарищи по возрожденному Каге, чувствуя принуждение, приказ Эдо Тенсей, который он, конечно же, не разрабатывал. "Техника все еще контролирует наши тела, приготовьтесь!"

<http://tl.rulate.ru/book/62419/1748855>